

Содержание

<i>О чем эта книга. О ком эта книга.</i>	
<i>Зачем эта книга</i>	7
Пролог	11
ГЛАВА 1. Мама и папа	15
ГЛАВА 2. Русакит и китарус	31
ГЛАВА 3. Государственные яблочки	55
ГЛАВА 4. Русские хунвейбинки	77
ГЛАВА 5. Тюрьма и воля	117
ГЛАВА 6. Домик в деревне	143
ГЛАВА 7. Конец “культурки”	163
ГЛАВА 8. Лишь бы не было войны	193
ГЛАВА 9. В Москву! В Москву!	227

О чем эта книга
О ком эта книга
Зачем эта книга

Несколько лет назад я задумал цикл книг — о реальных людях, наших современниках, живущих счастливую жизнь сквозь трагедии XX и XXI веков. Рассказ идет от первого лица, чтобы я не мешал прямому контакту героя с читателем. История на фоне частной жизни, частная жизнь на фоне истории... При этом все герои должны быть связаны с Россией, но не принадлежать ей без остатка; пусть переживание будет внутреннее, а взгляд скорее внешний. Главное, чтобы они были интеллектуалами с невероятной авантюрной судьбой, что сочетается до обидного редко. При этом их взгляды, их идеологии для меня скорей вторичны: герои цикла могут восхищаться революциями и скептически смотреть на них, быть активны-

ми участниками студенческих волнений 1968-го и насмешливо рассказывать о молодежном бунте, быть атеистами или верующими; главное — глубина переживания и серьезность отношения к происходящему.

Первой стала книга о социологе, крестьяноведе и социальном работнике Теодоре Шанине “Несогласный Теодор” (смена гражданств, войны, ссылка, бегства через границы, создание университета...). Вторая — о слависте Жорже Нива “Русофил” (в юности дружба с Пастернаком, изгнание из СССР накануне свадьбы, война в Алжире...). И вот третья книга в той же серии “Счастливая жизнь” — “Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой”.

Героиня — русская китаянка, дочь сооснователя китайской компартии и дворянки из рода Кишкиных; ее отцу было суждено построить новый Китай и пасть жертвой радикалов, а маме — пройти через все испытания и стать родоначальницей китайской русистики. Инна, которую в Китае зовут Ли Иннань, стала переводчицей. Родилась она в сталинском СССР, жила вольготной жизнью золотой китайской молодежи в маоистском Пекине, была (впрочем, мирной) русской хунвейбинкой... И дальше — по полной программе. Спецтюрьма, перевоспитание в деревне,

реабилитация, китайские реформы, жизнь в России после перестройки, в том числе во время путча 1991 года и кровавых потрясений 1993-го... Читаешь — и с трудом веришь, что это вместилось в одну биографию, одну судьбу.

Я стремился к тому, чтобы каждая книга серии могла читаться автономно, по отдельности, но при этом все они подсвечивали друг друга, выстраиваясь в общий ряд. Мои герои могут быть людьми резкого социального действия, как Теодор Шанин. Предпочитать утонченное созерцание, как Жорж Нива. Или становиться “китарусскими” интеллигентами, которые считают грандиозную политическую историю сквозь мелкие детали быта и личные обыденные обстоятельства, как это блестяще делает Инна Ли.

Спасибо за поддержку замысла Алексею Кудрину, Леониду Бурмистрову, Татьяне Тихоновой.

Александр Архангельский

Пролог

Мама моя, Елизавета Павловна Кишкина, происходила из семьи саратовского родовитого помещика и провела детство в имении Студёнка. Мой двоюродный дед Николай Михайлович Кишкин был членом Временного правительства, 25 октября 1917 года получил власть из рук Керенского в Петрограде, но всего лишь на сутки. А папа Ли Лунчжи, более известный под псевдонимом Ли Лисань, был выдающимся китайским коммунистом, до поры до времени соратником Мао Цзэдуна. Две родины, две крови, две культуры, две идеологии — не типичная, но и не редкая судьба в XX веке.

Выйдя замуж, мама прожила в Китае много лет, последние десятилетия безвыездно, а когда на излете перестройки приехала из Пекина в Москву,

ее разыскал пожилой земляк по имени Гурий Иванович Макаркин и пригласил съездить в Студёнку, на малую родину.

— Там у меня двоюродная сестра живет, примут хорошо, покажут. Поехали!

В конце концов путешествие в Студёнку состоялось. В мае 1993-го мы небольшой компанией сели в поезд на Павелецком вокзале и вылезли на маленькой станции, в Балашове. Оказались словно на другой планете. Никакой политики, никаких московских бурь — вечная русская тишина. На автобусе по степным колдобинам добрались до ближайшей от Студёнки станции. Нас встречали селянка Лариса на подводе и какой-то мужик на раздолбанном мотоцикле с коляской.

— Выбирайте, на чем поедете?

Мы с мамой выбрали подводу.

Лариса, тетка разговорчивая и душевная, нахлестывала лошадь и покрикивала:

— Анютка, давай! Ты знаешь, кого ты везешь? Ты барских детей везешь!

Я решила, что она издевается. Мама всю жизнь стеснялась своего помещичьего происхождения (тем более оно приносило одни только неприятности) и нас приучила: барин, барыня, барские дети — это что-то зазорное. Но Лариса и не думала шутить.

Дальше — больше. Двоюродная сестра Гурия Ивановича, старушка в бязевом платочке, подошла к маме, обняла и в плечо поцеловала: считалось, что бар положено целовать именно в плечико. А в соседнем селе Чернавка к телеге засеменила другая старушка и припала к маминой ручке: до революции она была горничной у соседнего помещика. И когда нас по деревне водили, все тоже говорили: барышня приехала... Я внимательно смотрела по сторонам и все яснее понимала, почему они решили вдруг полюбить ушедшую, навсегда закончившуюся — и совершенно незнакомую им — жизнь. В глаза бросалось запустение, заброшенность, угасание. Мама вспоминала, что до революции в Студёнке было несколько сот крепких дворов, в пруду плавали утки и гуси, по вечерам молодежь водила хороводы. А спустя шесть десятилетий — полураспад. Когда мы в 2015-м с мужем и родственниками приехали снова, осталось и того меньше: четыре или пять домов. Все за-растало бурьяном...

Дети и внуки тех, кто жил здесь до 1917 года, цеплялись за семейные воспоминания и все время повторяли, какой хороший был барин Павел Семенович и как славно он к крестьянам относился. Это отношение, видимо, распространялось и на крестьянских дочерей и жен. Согласно семейному

преданию, деду делали дома настойку на испанских мушках, которая повышала потенцию. В тот приезд в Студёнку сельчане привели познакомиться с мамой курчавого большеносого старика, представили как сына кузнеца, который в детстве играл на барском дворе. А моим родственницам шепнули, что это сын Павла Семеновича и прозвище его Барчук.

Дом, в котором мама родилась, сгорел в 1920-е. Скорей всего, сожгли его крестьяне. Заодно сгубили созданное и отлаженное дедом отличное хозяйство. В Студёнке был огромный сад, который мамин отец умело взращивал, новые сорта завозил, холил и лелеял. Но сад стал колхозным и в конце концов тоже пришел в упадок.

На прощание жители предложили нам: “Возвращайтесь, берите всё в свои руки. А мы за вами пойдем”.

Тоска по барину, доброму помещику, звучала в этих словах.

ГЛАВА 1
Мама и папа